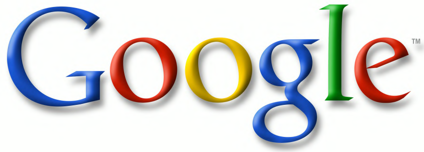
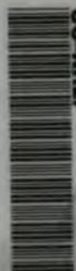
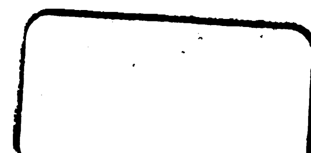
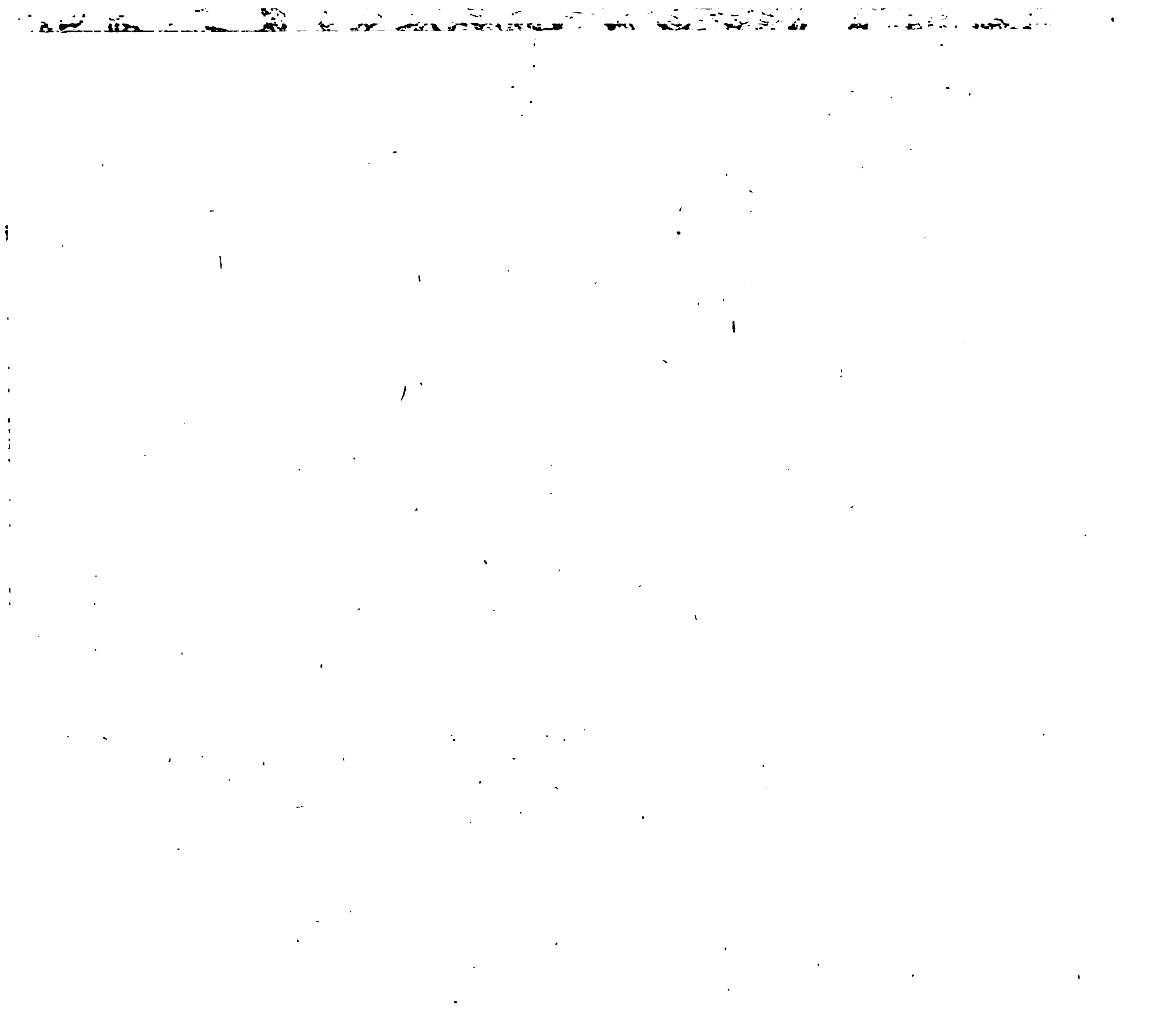

UC-NRLF
B 3 723 345

ГУСТАВЪ ВАЗА

или

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ НЕВИННОСТЬ.

ДРАММА

въ пяти дѣйствіяхъ,

Соч. Ели: Ива:

Гжи. Титовой.

Представлена въ первый разъ на Придворномъ С. П. бургскомъ Театрѣ Іюня 27 дня 1809 года.

Печатано съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
въ Типографіи Ивана Глазунова
1810 года.

Gustav Vaza

~~168698~~

62468698

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГУСТАВЪ ВАЗА *Г. Яковлевъ.*

АРМАНЪ, его любимецъ *Г. Щениковъ.*

ЕРНЕСТЪ другъ АРМАНА *Г. Бобровъ.*

ГРАФЪ ФИЦВАЛЬТЕРЪ, Вельможа Густавова двора *Г. Сахаровъ.*

МОНТАРДЕНЪ, Придворный чиновникъ повѣренный Фицвальтера *Г. Каратыгинъ.*

МАТИЛЬДА, Графиня Левенсхалтъ *Гжа. Каратыгина.*

ЮЛІЯ ДЕМЕРСОНЪ, другъ ея *Гжа Петрова.*

ПРИДВОРНЫЕ Дамы и Кавалеры.

КАРАУЛЬНОЙ Офицеръ *Г. Глухаревъ.*

ДВА ГОВОРЯЩІЕ СОЛДАТА и еще нѣсколько Солдатъ, *Гда. Чудинъ и Супруновъ.*

НАРОДЪ *Г. Люстихъ, Пальниковъ и Величкинъ*

ДѢЙСТВІЕ ВЪ СТОКГОЛЬМѢ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ богато убранную залу иллюминованную разными огнями, въ дали виденъ садъ тоже иллюминованной, при вратахъ котораго, такъ какъ и во дверяхъ залы, видно множество народа.

ГУСТАВЪ *входитъ сопровождаемый своими воинами, вельможами и придворными.*

ХОРЪ.

Внимай Густавъ! отецъ народа,
Изъ глубины сердецъ нашъ гласъ.
Ты царскаго превыше рода
Коль сдѣлалъ щастливыми насъ.

Мы торжествуемъ! — Утѣшайся
Благотворитель и Герой.
Не ты Порфирой украшайся,
Она украсилась тобой.

ГРАФЪ ФИЦВАЛЬТЕРЪ.

Милостивѣйшій Государь! Прими наше и всѣхъ подданныхъ твоихъ искреннѣе поздравленіе, сей знакъ истинной ихъ къ тебѣ любви и усердія. — Симъ они торжествуютъ побѣды твои и возвращеніе твое въ столицу! Подобно лучезарному

солнцу ты освѣщаешъ сердца народа радостнымъ присудствіемъ твоимъ! и счастливыми дѣлаешь твоихъ подданныхъ, благодарность ихъ къ тебѣ чрезмѣрна. Ты виною ихъ спокойствія! Они видятъ въ тебѣ благодѣтеля ихъ и отца!

НАРОДЪ.

Да здраствуетъ Великій Густавъ!

ГУСТАВЪ.

Съ чувствительностію принимаю сей знакъ преданности ко мнѣ моего народа! Благодарю за названіе отца. Оно пріятнѣе доброму Государю пышнаго названія побѣдителя! Одно льститъ честолюбію, а другое услаждаетъ сердце. Такое услажденіе пріятно мнѣ какъ человѣку и славно какъ Государю! Мы истинно велики только тогда, когда подданныя съ нами благоденствуютъ. Слава Государя въ благополучіи народа состоитъ. Ахъ! слава сія не есть пустая мечта, память побѣдителя иногда съ ужасомъ воспоминаема, но память добраго Государя есть украшеніе человѣчеству! Блаженство моихъ подданныхъ мнѣ драгоценно! Оно мнѣ Царемъ Царей ввѣрено, и да будетъ забвенъ тотъ день моей жизни, когда не займусь я благомъ его и славою. Сіи труды велики, но много имѣютъ пріятности. (*показывая на Армана*) Вотъ другъ мой! Его преданности и откровенности много мой народъ обязанъ; о какъ счастливъ Монархъ имѣющій такова друга и ты о доброй Ернестъ, которой не страшисся говорить мнѣ правду прими мою благодарность.

(АРМАНЪ и ЕРНЕСТЪ *подходятъ къ рукѣ Государя.*)

АРМАНЪ.

Не намъ слава Государь, но тебѣ. Правда сбыкновенно отъ вратъ Царскихъ тобою милостиво принята, ты позволяешь намъ говорить тебѣ истинну; но къ славѣ твоей сказать можно, что она на похвалу къ тебѣ обращается.

ЕРНЕСТЪ.

Государь не имѣющій друзей и окруженной одними только льстецами сожалѣнія достоинъ, а ты Государь имѣешь столько друзей сколько подданныхъ.

ГУСТАВЪ.

Пріятно слышать мнѣ похвалу изъ откровенныхъ устъ.

(*Графъ Фицвальтеръ и Монтарденъ взглядываютъ другъ на друга и показываютъ свое неудовольствіе*)

ГРАФЪ ФИЦВАЛТЕРЪ.

Всѣ Государь, всѣ единогласно любятъ и хвалятъ тебя!

ГУСТАВЪ.

А я хвалюсь вѣрными подданными своими!

ГРАФЪ ФИЦВАЛЬТЕРЪ (*поднося къ нему бумагу.*)

Государь и противъ тебя есть недовольные, прочти сіе. — Моя къ особѣ твоей вѣрность не позволяетъ скрывать отъ тебя ни чего.

ГУСТАВЪ (*прочитавъ бумагу.*)

Епиграмма на меня; прости виновному Графъ, такъ какъ и я ему прощаю; враги моего Государства мнѣ опасны и наказывать ихъ есть мой долгъ; но собственныхъ своихъ враговъ прощать не возпрещаетъ мнѣ ни сердце мое ни должность. Ложные рѣчи и письмена я привыкъ презирать и ими не оскорбляпся; несправедливое людское разглашеніе достойно больше выговора нежели наказанія оно отъ свѣта истинны погибаетъ какъ ночь изчезаетъ отъ солнечнаго сіянія; правда — хотя иногда терпитъ отъ людскихъ навѣтовъ, но наконецъ со славой торжествуетъ!

МОНТАРДЕНЪ.

Однако Государь, противъ твоей особы такая дерзость!

ГУСТАВЪ.

Монтарденъ подданный совѣтующій Государю своему излишнюю строгость, виновенъ въ оскорбленіи Величества, ибо уменьшаетъ его безопасность (*къ Арману*) узнай Арманъ кто сей недовольной мною.

АРМАНЪ.

Мнѣ онъ не знакомъ, но подозрѣваютъ въ томъ такова человѣка, который имѣетъ великое семейство, служитъ честно, но жалованьемъ себя содержать не можетъ. Бѣдность можетъ быть ожесточила его и заставила забыться.

ГУСТАВЪ (*къ Графу Фицвальтеру.*)

Повелѣваю выдавать ежегодно по 500 талеровъ для его семейства, надѣюсь что послѣ сего онъ со мною помирится, но дабы впредь умомъ своимъ не оскорблялъ онъ ближнихъ своихъ то запрещаю ему подъ строгимъ наказаніемъ издавать свои сочиненія и лишаю даже его удовольствія писать и мнѣ благодарность! Увѣнчаемъ день сей Графъ освобожденіемъ кои должны казнѣ до 1000 талеровъ. О естьлибъ далъ Богъ! что бы въ моемъ Государствѣ не было темницъ; но противъ воли моей для обузданія злодѣйствъ они необходимы. Счастливъ Государь когда прощаетъ, и горестенъ ему часъ наказанія! поди Арманъ возблагодари мой народъ за празднество и увѣрь его въ моемъ благоволеніи.

(*Арманъ и Ернестъ уходятъ за ними и другіе придворные, кромѣ Графа Фицвальтера и Монтардена.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ГУСТАВЪ, ГРАФЪ ФИЦВАЛЬТЕРЪ и МОНТАРДЕНЪ.

ГРАФЪ ФИЦВАЛЬТЕРЪ.

Прости Государь усердію моему, можетъ быть ты и прогнѣваешся за мое чистосердечіе, но ревность моя къ твоей особѣ и друга моего Монтардена есть неограниченна; она не позволяетъ намъ скрывать болѣе наши подозрѣнія, Арманъ и Ернестъ . . . . .

ГУСТАВЪ.

Графъ! Я знаю ихъ и въ нихъ увѣренъ, много разъ вы оба вперяли мнѣ недовѣренность къ симъ почтеннымъ людямъ но тщетно. Государь видящій все глазами своихъ вельможъ можетъ умереть не насладясь счастіемъ видѣть святую истинну прямо. — Однакожъ обѣщаюсь вамъ испытать ихъ обѣихъ; одинъ не сумнительный опытъ только въ состояніи лишить ихъ моей доверенности — А естьли они надъ всѣмъ коварствомъ восторжествуютъ, что скажете тогда вы?

МОНТАРДЕНЪ.

Арманъ гордъ, а Ернестъ дерзокъ таковые люди опасны ихъ усердіе подвержено сумнѣнію; они любятъ только себя . .

ГУСТАВЪ.

Монтарденъ не суди такъ строго о другихъ, изслѣдуй сперьва себя, будте спокойны, я ничего не страшусь; въ сердцахъ подданныхъ моихъ находится моя безопасность, она есть щитъ ограждающій меня по всюду; вотъ и Арманъ оставте меня одного съ нимъ.

(ФИЦВАЛЬТЕРЪ и МОНТАРДЕНЪ *уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ГУСТАВЪ и АРМАНЪ.

АРМАНЪ.

По приказанію твоему Государь я извѣстилъ народъ что празднество ихъ тебѣ пріятно; онъ съ веселіемъ по стогнамъ произноситъ въ честь твою всевозможныя восклицанія радости и восхищенія.

ГУСТАВЪ (*со вздохомъ.*)

Ахъ Арманъ! пусть народъ мой веселится и благоденствуетъ; но Государь ихъ стонетъ и страдаетъ.

АРМАНЪ (*съ удивленіемъ.*)

Какъ Государь!

ГУСТАВЪ.

Я люблю Арманъ и люблю совершеннѣйшее твореніе въ свѣтѣ, но незнаю имѣюли счастіе быть любимъ.

АРМАНЪ.

Ты влюбленЪ Государь! О я надѣюсь что та благополучною будетЪ вЪ свѣтѣ которую ты удостоишЪ своей руки: народЪ желаетЪ видѣть тебя соединенымЪ узами брака.

ГУСТАВЪ.

Страсть моя началась тому уже два мѣсяца, во время твоей болѣзни я былЪ на балѣ у Графини Амаліи, тамЪ увидѣлЪ ту, безЪ которой болѣе жить спокойно не могу. Любовь моя не безразсудна, сія особа кЪ знатности своего рода присоединяетЪ всѣ совершенства; отецЪ ея былЪ царской крови и служилЪ отечеству ревностно; она находится подЪ моимЪ покровительствомЪ, мы оба свободны, мнѣ гнусно всякое обольщеніе; я намѣренЪ предложить ей мою руку: на семЪ только основаніи позволяю я любви обладать моимЪ сердцемЪ — но да не видетЪ во внутренность его всякое не позволенное желаніе.

АРМАНЪ.

Сердце твое мнѣ извѣстно Государь: всякая слабость вЪ Монархѣ судится строго, — я знаю Густава, что должность возпрещаетЪ того онЪ себѣ не позволитЪ; но кто счастливая эта особа?.....

ГУСТАВЪ.

Матильда Графиня ЛевенхальтЪ..... но ты смущаешся АрманЪ, что это значитЪ? не имѣешь ли ты чего мнѣ противЪ нее сказать. АхЪ! не щади сердца моего, РазумЪ мой довольно имЪ управляетЪ! Лутче пусть пострадждетЪ оно, нежели покорюсь его слабости — ты молчишь АрманЪ!

АРМАНЪ (*вЪ великомЪ смущеніи.*)

Матильда достойна быть твоею супругою.

ГУСТАВЪ.

Подиже кЪ ней любезный другЪ, изЪясни ей мою пламенную страсть скажи ей что она милѣе мнѣ всего на свѣтѣ — скажи ей что руку мою, корону, все ей посвящаю и что сердца только одного ея прошу.

АРМАНЪ.

Повинуюсь Государь.

ГУСТАВЪ.

Но не принуждая ее разсмотри ее склонности я хочу добровольнаго ея согласія — Государю не обременять подданныхЪ прилично, но успокоивать ихЪ. Мы и безЪ того довольно имѣемЪ заботЪ, на что намЪ прибавлять еще противЪ себя не удовольствіе.

ГУСТАВЪ *уходитЪ.*

ЯВЛЕНІЕ IV.

АРМАНЪ (*одинъ.*)

О ГуставЪ! какую тяжелую должность ты на меня наложилЪ; — но любовь должна тутЪ молчать и дружество восторжествуетЪ надЪ сердцемЪ моимЪ. Спокойствіе Густава какЪ друга мнѣ дорого и какЪ великаго человѣка и Государя моего есть свято для меня -- для меня который изЪ самаго низкаго произхожденія, изЪ хижины нищаго, возведенЪ имЪ на величайшую степень чести! Сердце мое, умЪ мой, есть дѣло его! Я всѣмЪ ему обязанЪ; благодарность моя есть узы связующія меня сЪ ГуставомЪ! — Одна смерть оныя разорвать только можетЪ! Но и тамЪ за предѣлами гроба не умирающій духЪ мой, еще благословлять Густава будетЪ! Не измѣнитЪ АрманЪ довѣренности своего Монарха, добродѣтель вознаградитЪ его! Я жертвую ей спокойствіемЪ, жизнію — ахЪ нѣтЪ! что я говорю я жертвую ей болѣе — любовію моею кЪ Матильдѣ, которая мнѣ была всего на свѣтѣ дороже ГуставЪ возьми жизнь мою, но оставь мнѣ Матильду я жить безЪ нее не могу . . . . . Жестокая добротель! Но ты повелѣваешЪ . . . . . привыкши внимать гласу твоему, не смѣю долѣе оному противиться . . . . . Увижу еще разЪ Матильду и спокойно умру. — Утѣшаюсь только тѣмЪ что буду жить вЪ сердцахЪ друзей моихЪ . . . . . однако видѣть всякой часЪ Матильду вЪ обЪятіяхЪ другаго — не смѣть любить ее — О это жестоко! . . . . Но прочь слабыя сіи мысли; одинЪ гласЪ добродѣтели Арману внимать должно; умру, но буду человѣкомЪ и вѣрнымЪ подданнымЪ. Не хочу послѣдніи минуты жизни моей унизить порокомЪ и измѣною.

ЯВЛЕНІЕ V.

АРМАНЪ и ЕРНЕСТЪ.

АРМАНЪ.

Пожалѣй о мнѣ ЕрнестЪ и терзаемое горестію сердце мое услади твоею дружбою.

ЕРНЕСТЪ.

Что сЪ тобою сдѣлалось АрманЪ, я никогда тебя еще вЪ семЪ положеніи не видалЪ — Блѣдное лице твое, смутный взорЪ — вырывающіеся изЪ груди твоей вздохи — все это меня устрашаетЪ; — ты виновнымЪ быть не можешь я знаю твою честность; но отЪ чего такое отчаяніе любезный другЪ? излѣй горесть твою вЪ мое сердце — дружба моя отЪ тебя сего ожидаетЪ.

АРМАНЪ.

Тебѣ извѣстна любовь моя кЪ Матильдѣ.

ЕРНЕСТЪ.

Такъ чтожъ?

АРМАНЪ.

Густавъ мнѣ соперникъ.

ЕРНЕСТЪ.

И Арманъ конечно уступаетъ дружбѣ и благодарности свою любовь; добродѣтель его восторжествуетъ надъ нею, я въ томъ увѣренъ.

АРМАНЪ.

Ты точно узна[illegible] мои мысли — но сильная борьба любви съ должностію жестоко тревожитъ духъ мой и разрушаетъ спокойствіе невинности коимъ я наслаждался.

ЕРНЕСТЪ.

Такъ Арманъ! Чувствую все что ты терпишь! но чѣмъ больше будетъ жертва, тѣмъ славнѣе торжество. — Твое сердце подобно кораблю волнуемому бурею — но успокойся добродѣтель будетъ тебѣ тихимъ пристанищемъ и послѣ жестокаго страданія ты въ ней найдешь свою отраду.

АРМАНЪ.

Какъ легко давать совѣты, но какъ тяжело самому исполнять иногда долгъ свой!

ЕРНЕСТЪ.

Это упреки дружеству, но я тебѣ прощаю ты нещастенъ приди въ объятія мои.

АРМАНЪ и ЕРНЕСТЪ (*обнимаются.*)

АРМАНЪ.

Великодушный Ернестъ, прости мою несправедливость; я самъ себя не помню.

ЕРНЕСТЪ.

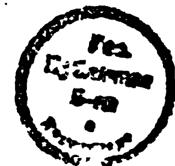
Не малодушествуй Арманъ! будь человѣкомъ.

АРМАНЪ.

Жертва уже сдѣлана — одна слабость человѣчества только еще во мнѣ противоборствуетъ.

ЕРНЕСТЪ.

Но естьли общая любовь твоя съ Государемъ къ Матильдѣ здѣлается извѣстною завистникамъ твоимъ — я страшусь — они воспользуются этимъ случаемъ ибо издавна ищутъ пагубы твоей, какъ нѣжная мать оберегаетъ милое дитя, такъ точно я желалъ бы сберечь тебя Арманъ: я много разъ совѣтовалъ тебѣ [illegible] сихъ коварныхъ друзей; подъ [illegible] ихъ скрывается опаснѣйшій ядъ. Ты всегда говоришь, совѣсть моя чиста; но и ее могутъ они разрушить отнявъ у тебя спокойствіе первое благо честнаго человѣка а можетъ быть и честь! ни какая великая душа клеветѣ

противустоять не можетъ: эта хищная змѣя разрушаетъ все. — Чѣмъ честнѣе и добродѣтельнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе имѣетъ завистниковъ и враговъ. Клевета помрачаетъ праводушныхъ людей подобно ядовитымъ несѣкомымъ пожирающимъ наилучшія растѣнія. Ты добръ Арманъ, но неосторожень.

АРМАНЪ.

Ты добръ Ернестъ, но подозрѣвающъ.

ЕРНЕСТЪ.

Излишняя довѣренность бываетъ гибельна.

АРМАНЪ.

Излишнѣе подозрѣніе внушаетъ ненависть.

ЕРНЕСТЪ (*видя входящихъ Фицвальтера и Монтардена.*)

Пойдемъ отъ сюда Арманъ, мы въ саду можемъ кончить нашъ разговоръ. Я не люблю быть вмѣстѣ съ сими себялюбивыми вельможами.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕЖНІЯ, ГРАФЪ ФИЦВАЛЬТЕРЪ и МОНТАРДЕНЪ.

ГРАФЪ.

Куда спѣшите любезный Ернестъ.

ЕРНЕСТЪ.

Я люблю быть одинъ, въ большихъ обществахъ я неловокъ, чистосердечіе тутъ не у мѣста.

МОНТАРДЕНЪ.

Мы единодушные друзья Ернестъ; мы всѣ пользуемся довѣренностію нашего Государя.

ЕРНЕСТЪ.

Монтарденъ — но всѣли мы къ нему равно откровенны; испытаемъ наши сердца не кроется ли въ нихъ вмѣсто ласки и усердія, скрытый ядъ и одно самолюбіе.

(АРМАНЪ и ЕРНЕСТЪ *намѣриваются итти.*)

ГРАФЪ.

А вы Арманъ, развѣ не хотите быть съ нами вмѣстѣ и ожидать здѣсь возвращенія Государя — онъ теперь занимается въ своемъ кабинетѣ.

АРМАНЪ.

Имѣя препорученіе его исполнить безъ отлагательства не могу болѣе медлить.

(АРМАНЪ и ЕРНЕСТЪ *уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ГРАФЪ ФИЦВАЛЬТЕРЪ и МОНТАРДЕНЪ.

ГРАФЪ.

Что думаешь ты Монтарденъ о сихъ двухъ любимцахъ? Не уже ли мщеніе мое на похитившихъ у насъ довѣренность Монарха не достигнетъ, не ужели справедливое мщеніе, коимъ душа моя наполнена, будетъ безуспѣшно? До прибытія ко двору Армана, не были ли мы первые? Мы одни съ тобою раздѣляли первую власть по Густавѣ. Но сей низкаго произхожденія человѣкъ водворяется здѣсь и мы теперь ни что. Ты знаешь меня другъ мой! я лучше желаю быть въ послѣдней хижинѣ Швеціи первымъ, нежели у престола вторымъ; честолюбіе мое средины не имѣетъ. — Я желаю все или ничего, и тотъ кто разъ помрачилъ меня пребудетъ вѣчнымъ мнѣ врагомъ, ты повѣренности моей достоинъ, долго я упорствовалъ тебѣ открыться въ моихъ намѣреніяхъ, но теперь открываю тебѣ сердце мое: мы съ Арманомъ и другомъ его вмѣстѣ быть не можемъ или имъ или мнѣ погибнуть должно: Торжество его сильно терзаетъ духъ мой. Мы учинились съ нимъ соперниками, онъ побѣдилъ меня и я сталъ жесточайшимъ ему врагомъ. Онъ хищникъ славы моей! Мое мщеніе постигнетъ его или я погибну!

Клянусь тебѣ въ томъ моею къ тебѣ дружбою.

МОНТАРДЕНЪ.

Признаюсь! я давно примѣчалъ это, я удивлялся твоему терпѣнію! Какъ! подлой породы Арманъ преимуществуетъ надъ Графомъ Фицвальтеромъ! . . . . . И ты можешь терпѣть такова соперника: медленное твое мщеніе меня удивляло, но тѣмъ вѣрнѣе оно будетъ: Ернестъ гнушается нашею дружбою — чего еще дожидаться, пора нанести достойные удары симъ изъ праха вышедшимъ любимцамъ, и обратить ихъ въ тоже существованіе изъ границъ котораго они вышли. Послушай Графъ мщеніемъ своимъ, повторяю тебѣ; твое и мое благо отъ того зависитъ.

ГРАФЪ.

Даю тебѣ честное мое слово что нонешный же день сіе исполнено будетъ; всѣ мѣры мои къ тому уже приняты.

МОНТАРДЕНЪ (*въ смущеніи.*)

Графъ — по справедливоли мы поступимъ.

ГРАФЪ (*усмѣхаясь.*)

Хоть не во все, но польза наша того требуетъ.

МОНТАРДЕНЪ.

Правда; совѣсть тутъ должна молчать гдѣ польза говоритъ.

ГРАФЪ.

МонтарденЪ — могу ли я положиться на дружество твое?

МОНТАРДЕНЪ.

БезЪ сумнѣнія; я вЪ томЪ тебѣ клянусь.

ГРАФЪ.

Ты знаешь, мнѣ нужна твоя помощь.

МОНТАРДЕНЪ.

Клянусь тебѣ ГрафЪ что во всѣхЪ твоихЪ намѣреніяхЪ я тебѣ помощникЪ.

ГРАФЪ.

Клянусь тебѣ МонтарденЪ, что гибель враговЪ нашихЪ приближается.

(оба берутЪ другЪ друга за руку.)

ГРАФЪ.

ПойдемЪ же производить сіе вЪ дѣйство.

(уходятЪ.)

КонецЪ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТеатрЪ представляетЪ комнату Матильды: она сидитЪ и играетЪ на арфѣ печальную арію.

ЮЛІЯ *(Стоя предЪ нею сЪ чувствительностію.*

На что любезная Матильда безпрестанно предаваться такой печали — чувствительная душа твоя довольно уже удручена горестію — прости дружеству моему, я откровенно тебѣ говорю, оставь свою задумчивость и прими опять прежній твой веселый нравЪ.

МАТИЛЬДА.

Не всѣ еще печали души моей тебѣ открыты Юлія; главная скорбь еще тутЪ, (*указывая на свое сердце.*) Ты думаешь что потеря родителей моихЪ есть дѣйствіе моей горести. Конечно лишеніе ихЪ не изгладится изЪ памяти моей ни когда. — Вѣчно, вѣчно оплакивать я ихЪ не перестану — Милость Государя нашего не оставляетЪ мнѣ ничего желать сЪ стороны выгодЪ и знатности — однакожЪ онЪ не можетЪ мнѣ возвратить тѣхЪ кого я лишалась! Но вотЪ еще чего ты не знаешь милая Юлія! предЪ кончиною покойной Графини моей родительницы, я

видѣла Армана любимца нашего Монарха, — первый взглядъ мой на него былъ первою моею страстію! Я его увидѣла и увидѣвъ имъ плѣнилась. Родитель мой въ разсужденіи меня имѣлъ другія мысли; но нѣжная мать моя проникнула во внутренность души моей и при концѣ благословила любовь мою . . . . . . Арману то извѣстно и онъ равною любовію мнѣ отвѣчаетъ — но я примѣчаю склонность къ себѣ Густава — Не смѣю откровенностію своею огорчить великаго сего человѣка — сердце мое уже отдано! . . . . Но оно страдаетъ что не можетъ покорится Густаву другу человѣчества!

ЮЛІЯ.

Великая душа Густава, тебѣ извѣстна Матильда, Герои принуждать слабыхъ не умѣютъ; Герои есть покровители нашего пола и защита страждущихъ людей! Великимъ душамъ откровенность не противна, имъ нечего ее опасаться; она не строгой судія имъ, но пріятной другъ!

МАТИЛЬДА (*съ задумчивости.*)

Но оскорбить Густава . . . . . или лишится Армана; быть причиною холодности сихъ друзей . . . . . или повредить Арману; — о тяжелое состояніе! Но вотъ идетъ къ намъ Арманъ оставь насъ.

(*Юлія уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

АРМАНЪ и МАТИЛЬДА.

АРМАНЪ.

Я пришелъ къ вамъ Графиня сообщить волю моего Государя; онъ предлагаетъ вамъ свою руку и корону . . . . . И я первой поздравляю мою Королеву! . . . .

(*становится на колѣна и цалуетъ ее руку.*)

МАТИЛЬДА.

Что слышу я, о Боже мой! Арманъ! Тебѣ ли сообщать мнѣ таковую новость? или сердце мое не довольно тебѣ извѣстно? Не ужели ты думаешь что честолюбіе можетъ заглушить въ немъ нѣжныя чувства, или считаешь ты меня способною обмануть Густава и отдать ему руку мою, безъ сердца моего! . . . . . Нѣтъ Арманъ ты уже знаешь что оно не мнѣ принадлежитъ; Густавъ безъ трона съ одними своими добродѣтелями милѣе мнѣ бы былъ всѣхъ смертныхъ, естьлибъ я не знала прежде Армана! . . . . Великимъ я считаю Густава, когда смѣю не повиноваться его волѣ . . . . . Я можетъ быть рождена для трона, и для того блескъ его меня не льститъ. Тѣ только достойны обладать имъ у кого душа велика и чисто сердце! . . . . . Арманъ, благодарю великодушнаго Монарха, но милости его принять не могу.

АРМАНЪ.

О истинный образъ чистѣйшей добродѣтели! Дражайшая Матильда! . . . . Но прости мнѣ моя Государыня я исполняю долгъ свой . . . . Забудь злощастнаго Армана! — будь супругою Монарха! Ты достойна этой чести – народъ счастливъ будетъ тобою! Ты будешь ихъ матерью и другомъ великаго Густава! Ничтожный Арманъ неспособенъ наградить твои достоинства! . . . . Онъ только одно сердце въ даръ тебѣ принести можетъ.

МАТИЛЬДА.

Оно то мнѣ и дороже всѣхъ трoновъ свѣта — всѣхъ коронъ вселенной!

АРМАНЪ.

Благополученъ мнѣ сей часъ! онъ доказываетъ мнѣ любовь Матильды. Теперь смерть есть мое блаженство, тамъ Матильда, тамъ мы будемъ благополучны но теперь пожертвуемъ всѣмъ Густаву, ... да будетъ онъ счастливъ и да узнаютъ всѣ, что другъ его ему не измѣнилъ.

МАТИЛЬДА.

Я даю слово мое ему; естьли рука Матильды ему принадлежать не можетъ — то, не будетъ она ни чьею, — ниже самаго Армана.

АРМАНЪ.

Прости Матильда! . . . . . прости на всегда! . . . . Арманъ лишась тебя жить болѣе не можетъ. приди иногда къ праху моему и вспомни то сердце въ которомъ ты царствовала, сколько оно боролось между любовію и должностію. — Не жалѣй о мнѣ Матильда, не отравляй прекрасныхъ дней твоихъ я спокойно жить ужъ болѣе не могу — и на что мнѣ жить безъ тебя. — Жертвую моимъ блаженствомъ, самою тобою, добродѣтели . . . . . Я исполнилъ долгъ свой; . . . . Теперь мнѣ остается только умереть. Спокойно снисхожу во гробъ мой — я тобою любимъ и чести ни когда не измѣнялъ — такая смерть еще завидна быть можетъ. — Прости Матильда!

(*хочетъ прочь итти.*)

МАТИЛЬДА (*со слезами.*)

Ты оставляешь меня и оставляешь съ такою холодностію, безчеловѣчный! знать ни когда не любилъ ты меня; безрассудная и я вѣрила тебѣ! или ты думаешь что корона въ состояніи замѣнить мнѣ то сердце, которое я обожала. — Нѣтъ вѣроломный! Твой образъ начертанъ въ душѣ моей пламенною любовію — ни что изгладить его не можетъ, но что я говорю теряю слова только свои. Хладнокровный Арманъ внимать онымъ не хочетъ — а можетъ быть и смѣется

имъ. — Арманъ, жестокій Арманъ! — презираетъ горестію печальной Матильды — О несносная, убійственная мысль! Боже! для чего я дожила до часа сего!

(МАТИЛЬДА *безчувственна упадаетъ въ кресла.*)

АРМАНЪ.

Не справедливый другъ! Любезная Матильда! Что дерзаешь ты говорить. Ахъ! видно ты не знаешь моего сердца, не знаешь и любви моей къ тебѣ; за что такими подозрѣніями столь жестоко угнѣтаешь бѣдственную судьбу мою! Или не довольно я кажусь тебѣ несчастливъ? — Чѣмъ заслужилъ я такія упреки? — нѣтъ Матильда я не въ состояніи ихъ переносить; пощади горестное сердце мое и не раздирай его болѣе! — Оно слабо противустоять тебѣ.

МАТИЛЬДА.

Арманъ — прости отчаянію моему.

АРМАНЪ (*становится на колѣни.*)

Великодушная Матильда! Призови въ помощь твою добродѣтель — забудь нещастнаго Армана! Будь моею Королевою, супругою Густава! Ты достойна онаго. Великое твое сердце подкрѣпитъ тебя; ради славы твоего друга, торжествуй надъ собою.

МАТИЛЬДА.

Ахъ! въ состояніи ли я это сдѣлать, когда умъ мой, сердце, все мое существованіе заняты только однимъ тобою! Какъ могу я владѣть своими чувствами? — Развѣ я сама себѣ принадлежу? Жестокой! ты требуешь отъ меня больше моей жизни. . . . .

АРМАНЪ.

Матильда, милая Матильда! Богъ сердца моего! Естьли ты еще любишь Армана, то побѣди себя и пожертвуй добродѣтели своею любовію.

МАТИЛЬДА.

Какой жертвы ты требуешь отъ меня. (*Помолчавъ не много съ горестнымъ восхищеніемъ*) увы! Жестокая должность добродѣтели — и такъ ты повелѣваешь, въ первый еще разъ въ моей жизни сердце мое противится твоему гласу. Какъ жестоко я страдаю; Арманъ я буду тебя достойна! прости — и на всегда . . .

АРМАНЪ (*въ великомъ движеніи души, хочетъ уйти.*)

МАТИЛЬДА.

О постой — постой еще на часъ!... горестное разлученіе, о любезная мать моя, естьлибъ ты видѣла какъ раздирается на части сердце дочери твоей!

АРМАНЪ.

Она благословляетъ насъ въ сію минуту. Побѣда добродѣтели освобожденной отъ узъ тѣлесныхъ, душѣ пріятна. —

*

Матильда, ей представляетъ образъ Ангела на земли.

МАТИЛЬДА.

Немилосердая судьба! — по что караешь ты такъ жестоко меня.

АРМАНЪ.

Я болѣе тебя страдаю Матильда! ты еще можешь быть счастливою! но я! — никогда . . . . .

МАТИЛЬДА.

Прости Арманъ!

АРМАНЪ.

Прости Матильда!

МАТИЛЬДА.

И такъ мы уже разлучены съ тобою! я на вѣкъ. — Поди къ Густаву . . . . . . Пусть заступитъ дружество въ сердце его мѣсто любви. Да успокоитъ оно васъ обѣихъ. — Матильдѣ вы оба дороги, одинъ какъ другъ а другой . . . . но . . . . слабость эта послѣдняя . . . . прости —

(АРМАНЪ *съ горестію уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ЮЛІЯ и МАТИЛЬДА.

МАТИЛЬДА.

Все кончилось Юлія! Сладчайшая надежда моя разрушилась. — Арманъ и я

разлучены на вѣки; должность противится любви нашей, самъ Густавъ разрушитъ ее; онъ предлагаетъ мнѣ свою руку. — Но ты знаешь могу ли я ее принять съ сердцемъ наполненнымъ любовію къ другому, и когда Матильда отказалась отъ руки своего Государя, то болѣе уже ни чьей принять не можетъ.

ЮЛІЯ.

Матильда, будучи простою Графинею, съ сими чувствами есть болѣе Королевы — но по что любезный другъ такое отчаяніе — не ужели Густавъ . . . . . .

МАТИЛЬДА.

О нѣтъ Юлія! Любовь моя къ Арману есть тайна для Густава, она умретъ въ моемъ сердцѣ — Оно раздражать ни кого не умѣетъ; естьли хочу жертвовать моимъ спокойствіемъ благодѣтелю нашему, то по что огорчать великую его душу и поселять въ ней недовѣренность къ тому, кто достоинъ его дружества, естьли мы начали жертву добродѣтели, то надобно ее и кончить.

ЮЛІЯ.

Удивляюсь и похваляю тебя Матильда. Но знаешь ли что готовится праздноство тебѣ?

МАТИЛЬДА.

И я тамъ буду — въ послѣдній разъ увижу свѣтъ и Армана. Потомъ прощусь

съ нимъ на всегда. — Свѣтъ для меня есть ничто, для одного Армана я жила . . . . . . Уединенное только мѣсто прилично печальной Матильдѣ! (*по нѣсколькомъ молчаніи*) любезная Юлія! согласишся ли ты раздѣлять скуку мою и уединеніе?

ЮЛІЯ.

Какъ можешь ты меня спрашивать объ этомъ Матильда! мое счастіе, мое блаженство, быть съ тобою вмѣстѣ, Развѣ Юлія можетъ забыть милости твоихъ родителей? Оставленная сирота всѣми, кто былъ мнѣ матерью? Не почтенная ли твоя родительница? дѣтская наша дружба не усовершенствовалась ли въ нашемъ возрастѣ? Имѣли ли мы когда съ тобою разныя мнѣнія, разныя мысли; не всегда ли то нравилось Юліи что любитъ Матильда? Или не на все ли соглашалась Матильда, что Юліи было пріятно? нѣтъ горестная смерть мнѣ съ тобою милѣе, нежели прекраснѣйшая жизнь съ другими.

МАТИЛЬДА (*прижимая ее къ своему сердцу.*)

О какое утѣшеніе мнѣ въ твоемъ дружествѣ! не все еще я потеряла, когда моя Юлія со мною; самыя пріятныя узы въ семъ свѣтѣ есть узы дружества! Какъ перестаетъ любить сердце, такъ дружество его услаждаетъ! Ернестъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТЕЖЪ и ЕРНЕСТЪ, *въ сопровожденіи двухъ придворныхъ служителей, кои приносятъ два ящика съ подарками, ставятъ оныя на столъ и удаляются.*

ЕРНЕСТЪ.

Графиня Матильда, будущая моя Королева, примите поздравленіе мое и радость, что достоинства на конецъ награждаются тѣмъ, что можетъ только льстить человѣческому честолюбію. — Примите дары сіи — Государь оныя вамъ предлагаетъ, какъ будущей своей супругѣ.

МАТИЛЬДА.

Съ чувствительностію благодарю Государя, но принять оныя въ семъ смыслѣ не могу, и возвращаю щедроты его ему назадъ, добродѣтельный Ернестъ не радоваться прилично о горестной Матильдѣ но плакать вмѣстѣ съ ней о участи ее, — разлучена съ Арманомъ — или ты не знаешь какъ нѣжно я любила друга твоего? — Любовь сіе заставила меня отказаться отъ руки Государя; знаешь ли ты это? знаешь ли все какъ страдаетъ мое сердце?

ЕРНЕСТЪ.

Знаю — но тѣмъ то болѣе тебя и почитаю, ты былабъ на тронѣ, естьлибъ

захотѣла — но добродѣтель тебя съ онаго низводитъ и такое ей пожертвованіе есть источникъ моего къ тебѣ почтенія. Сколь славно видѣть когда она кого возводитъ на вышнюю степень, столь и чувствительно быть зрителемъ, когда кто для добродѣтели отказывается отъ величества и славы! Таковое ей пожертвованіе Матильда великимъ душамъ только дано.

МАТИЛЬДА.

Когда самъ Ернестъ меня любитъ и чтитъ, то сердце мое и разсудокъ мой меня похваляютъ; — но скажи мнѣ любезный Ернестъ, скажи мнѣ о другѣ твоемъ, видѣлъ ли ты его?

ЕРНЕСТЪ.

Арманъ, въ горестномъ отчаяніи, едва внимаетъ гласу дружбы — терзаемъ любовію онъ борется съ нею и шествуя трудною стезею добродѣтели, онъ стремится исполнить долгъ свой! онъ тебя ни когда не забудетъ — Я говорю тебѣ это какъ другъ — но теперь стану тебѣ говорить какъ прилично моей должности — повинуйся волѣ Государя; не оскорбляй его отказомъ — не санъ его тебя къ тому обязываетъ но добродѣтели.

МАТИЛЬДА.

И кто болѣе чтитъ ихъ какъ не я? Кто болѣе ихъ чувствовать умѣетъ мо-

его — но страстная любовь моя къ Арману .. Разлука съ нимъ и бѣдственная жизнь безъ него .. о горестное напоминаніе! — ты истребляешь послѣдніе силы мои, — ты томишь духъ мой! какъ могу я разлучится съ Арманомъ когда онъ владычествуетъ такъ сильно надъ сердцемъ моимъ; — однако я отказалась отъ счастія быть соединенною съ нимъ. — и надѣюсь что добрый Ернестъ въ моемъ уединеніи меня не забудетъ и Армана онъ не оставитъ.

ЕРНЕСТЪ.

Я клянусь въ томъ тебѣ Матильда; обѣщанія мои святы для меня, но по что тебѣ уединеніе? Оно не прилично ни красотѣ ни званію твоему — тебѣ принадлежитъ рука Густава, добродѣтельнѣйшаго изъ смертныхъ! ахъ Матильда! твой долгъ. твоя слава. требуютъ ее принять: отрицаніе отъ нее сдѣлаютъ Армана и Густава злополучными.

МАТИЛЬДА.

Я почитаю Густава, Ернестъ, то какъ могу принять руку его — съ сердцемъ упоеннымъ любовію къ другому.

ЕРНЕСТЪ.

Пожертвуй ею Густаву. Такая жертва его достойна.

МАТИЛЬДА.

Безъ Армана, безъ его любви — спокойствія для меня нѣтъ болѣе на свѣтѣ.

ЕРНЕСТЪ.

Съ добродѣтельнымъ Густавомъ ты опять его получишь.

МАТИЛЬДА.

Лучше одинъ разъ огорчить великодушнаго Густава, открывъ ему мое сердце, нежели всю жизнь быть вѣроломною противъ него и питать любовь къ другому въ объятіяхъ его. Теперь я лишь слаба, а тогда виновною буду Ернестъ, — нѣтъ я къ этому не способна.

ЕРНЕСТЪ.

Прошу тебя Матильда! Заклинаю тебя самимъ Армaномъ! не обмани надежды Монарха — Отца народа! Его подданныя требуютъ у тебя благополучія ихъ Государя: общему гласу всѣхъ тебѣ противустоять не должно — сама добродѣтель и долгъ твой сего отъ тебя требуютъ.

МАТИЛЬДА.

А откровенность моя требуетъ сказать ему правду; но поди любезной Ернестъ къ другу твоему — успокой его, возьми дары сіи, мы увидимся съ тобою на празднествѣ.

(ЕРНЕСТЪ *уходитъ и уноситъ съ собой подарки.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

МАТИЛЬДА и ЮЛІЯ.

МАТИЛЬДА.

Пойдемъ Юлія, пойдемъ и мы готовится къ празднеству.

ЮЛІЯ (*взявъ за руку Матильду.*)

Подкрепи себя любезная Митильда — тебѣ это теперь очень нужно: умѣй преодолѣть несчастіе и старайся быть выше его; — настаетъ для тебя горестный часъ! Великая душа твоя, научитъ тебя какъ поступать въ семъ случаѣ.

МАТИЛЬДА (*съ глубокимъ вздохомъ.*)

О жестокое состоянiе! какъ я страдаю! лишаюсь силъ и не знаю какъ предстать Густаву! — Что скажу я ему, и какъ снесу его упреки — буду казаться ему неблагодарною — тому, кого всѣ обожаютъ и кого я сама болѣе всѣхъ на свѣтѣ чту — кому всѣмъ обязана — несносная мысль! Боже Всемогущій подкрѣпи меня! . . . . .

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ маскарадъ, тутъ всѣ Придворные. Густавъ съ Матильдою вмѣстѣ въ сопровожденіи вельможъ и всего двора. Арманъ и Ернестъ видны въ дали съ Юліею Графъ Фицвальтеръ и Монтарденъ, многія другія придворныя господа и госпожи. — Зала должна быть очень освящена — начинаются танцы, нѣкоторыя прогуливаются.

ГРАФЪ ФИЦВАЛЬТЕРЪ (*смотря на Армана : Ернеста тихо Монтардену.*)

Теперь приближился часъ моего мщенія! Я восторжествую! Монтарденъ — ты вскорѣ то увидишь.

МОНТАРДЕНЪ.

Наконецъ мы опровергнемъ недостойный идолъ дружества Густавова! Но онъ приближается, пойдемъ отъ сюда Графъ, чтобъ насъ не примѣтили, пойдемъ къ нему на встрѣчу.

(*Они идутъ къ Густаву на встрѣчу, онъ съ Матильдою удаляется.*)

АРМАНЪ (*Ернесту.*)

Я жестоко страдаю Ернестъ! какая борьба во внутренности сердца моего между любовію и дружбой. Ахъ! естьли невинныя такъ страдаютъ, то чемужъ подвержены преступники — какое адское мученіе терпѣть долженъ порокъ?

ЕРНЕСТЪ.

Благодари Бога! что ты сему не причастенъ; слабый человѣкъ, и ты смѣешь жаловаться на судьбу свою! Ты добродѣтеленъ, то не можешь быть совершенно несчастливъ; но ободрись Арманъ, отойдемъ далѣе, здѣсь много любопытныхъ.

(*они уходятъ.*)

ГУСТАВЪ (*ведя за руку Матильду.*)

И такъ Графиня это послѣднѣе ваше слово?

МАТИЛЬДА.

Государь! оставь нещастную Матильду судьбѣ ея; уединеніе мнѣ одно прилично: я не могу быть супругою твоею — эта честь весьма велика для меня. Первыя Принцессы въ свѣтѣ поставятъ за щастіе себѣ принять твою руку. Естьлибъ не знала я совершенно великую душу твою. я бы такъ откровенно тебѣ не говорила. . . . Но прости мнѣ Государь! - Я удаляюсь отъ тебя; придетъ время, душа моя будетъ тебѣ

открыта, и ты самъ меня оправдаешъ.......

ГУСТАВЪ.

Матильда! какое подозрѣніе!

МАТИЛЬДА.

Великому Густаву не прилично подозрѣніе — оно низко для него.

ГУСТАВЪ.

Жестокая Матильда ты отвергла мою руку и дары мои ты презрила.

МАТИЛЬДА.

Я столько тобою облагодѣтельствована Государь, превыше мѣры награждена, и не знаю какъ достойно возблагодарить тебя.

ГУСТАВЪ.

Такъ на чтожъ предстала ты мнѣ въ видѣ Ангела? Лестная надежда моя вся изчезла — ахъ Матильда! какое сердце ты поражаешь! не благодарная — но оставь меня, я не знаю что говорю, я не помню самаго себя, оставь меня съ моею горестію.

МАТИЛЬДА.

Государь! — Прости отчаянію моему. — Я не могу болѣе здѣсь быть.

ГУСТАВЪ.

Такъ ты ненавидишь Густава?

МАТИЛЬДА.

Мнѣ тебя ненавидѣть, благотворителя подданныхъ, отца народа — Героя

въ милости Божеству подобнаго! — Величайшаго и любимѣйшаго изъ Монарховъ! — Благодарность моя и твои щедроты.....

ГУСТАВЪ.

Не говори мнѣ о благодарности — ахъ она пламенной моей любви замѣнить не можетъ. — Вижу что кто нибудь другой отнимаетъ у меня твое сердце.

МАТИЛЬДА (*отходя съ горестію.*)

Я въ отчаяніи!......

(*Праздникъ оканчевается, всѣ Придворныя приходятъ во кругъ Густава. Матильда съ Юліею скрываются въ толпѣ праздныющихъ, Матильда бросаетъ страстный взоръ на Армана, Густавъ оное примѣчаетъ и оказываетъ свою ревность.*)

АРМАНЪ (*подходя къ Густаву.*)

Государь! — не имѣетъ ничего мнѣ приказать?

ГУСТАВЪ (*съ скрытымъ гнѣвомъ.*)

Ничего.

(*Арманъ съ горестію удаляется видя холодность къ себѣ Густава. — Ернестъ его уводитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ГУСТАВЪ. ГРАФЪ ФИЦВАЛЬТЕРЪ и МОНТАРДЕНЪ.

ГРАФЪ.

Государь! позволь преданному своему и усерднѣйшему подданому принять участіе въ горести твоей всенародно извѣстна взаимная любовь Матильды и Армана, сколько онъ измѣнилъ довѣренности твоей.

ГУСТАВЪ.

Но кто о томъ по городу разгласилъ?

ГРАФЪ.

Арманъ самъ и единомышленный другъ его Ернестъ? — Говорятъ что Арманъ гордится и тщеславится тѣмъ, что отнимаетъ у тебя любовницу, дабы чрезъ то сокрушить болѣе и болѣе твое сердце; говорятъ что онъ и Ернестъ были сего дня по приказу твоему у Матильды и вмѣсто того что бы склонять ее къ твоему браку, они умоляли ее что бы она тебѣ противилась; мы слышали притомъ что они подкупаютъ для чего то народъ называя тебя тираномъ и приписывая тебѣ многія пороки, имянуютъ тебя лицемѣромъ а не добродѣтельнымъ Государемъ. Я подозрѣваю чуть не они ли научили того бѣднаго Офицера писать на тебя сатиру которую я имѣлъ смѣлость представить Вашему Величеству; но можно

ли всѣ гнусности дѣлъ ихъ описать. Я боюсь раздирать болѣе твое сердце, но правду сказать тебѣ долженъ, безопасность твоя того требуетъ.

ГУСТАВЪ.

Говорите Графъ — наносите всѣ удары вдругъ на горестное мое сердце! — не щадите его, оно наказано должно быть за свои ошибки. Къ кому имѣлъ я довѣренность! Недостойный! и я могъ называть его моимъ другомъ: поруганное мое честолюбіе требуетъ мщенія, и я отмщу ему какъ Государь! всѣ узы дружества съ нимъ разрываю, возвращу его опять въ тоже ничтожество изъ котораго я его вывелъ. Ахъ! онъ раскается, но поздно уже! — Говорите Графъ! чего еще ожидать мнѣ должно — я подкрѣплю себя мужествомъ, оно мнѣ весьма теперь нужно.

ГРАФЪ.

Монтарденъ и я мы извѣстны, что Арманъ имѣетъ въ своемъ домѣ комнату — въ которой находится потаенная лѣстница; многія подозрѣваютъ, что въ ней то бываютъ ночныя сходбищи, и производятся крамольныя совѣты; сверьхъ сего приходятъ къ Арману поутру и въ день многія солдаты, а иные живутъ у него. Для чего имъ приходить и жить, ежелибъ не было какихъ замысловъ, а что сіи замыслы дѣйствительно

существуютъ, къ сожалѣнію моему, вотъ тому и доказательство (*вынувъ изъ кармана распечатанное письмо подаетъ оное Густава.*) Письмо Армана писанное къ Ернесту, по догадкамъ нашимъ около двухъ мѣсяцовъ тому назадъ, въ то время когда вы Государь, Арманомъ не были довольны, оно мною перехвачено, на смыслѣ его основываемъ мы болѣе и болѣе наши подозрѣнія. Ты знаешь Государь твоя особа для насъ священна! мы страшимся всего.

ГУСТАВЪ (*съ нетерпѣніемъ развертывая письмо читаетъ.*)

„Любезной Ернестъ! Я самъ уже вижу „что злодѣи мои совершенно восторжествовали надо мною; чего еще мѣшкать, „не надобно далѣе отлагать извѣстнаго „тебѣ намѣренія моего; пора привести „оное въ дѣйство и съ помощію сохраняемаго сокровища въ потаенной моей „комнатѣ возвысится надъ всѣми! Вѣрные друзья мои сотовариществовать „мнѣ будутъ, мы Швеціи докажемъ что „можетъ произвести благородная гордость въ такомъ сердце каково мое! „Приходи ко мнѣ сей часъ я тебя ожидаю! (*по нѣкоторомъ молчаніи погруженъ будучи въ глубокую задумчивость, съ огорченнымъ удивленіемъ*) о Арманъ! какъ жестоко наказуешь ты меня, за мою въ тебѣ ошибку! . . . . Естьлибъ

зналъ ты какъ Густавъ тебя любилъ, и какое сердце ты раздираешь! Но нѣтъ, ты знать этаго не можешь — невѣрный другъ не можетъ быть ни благодарнымъ ни чувствительнымъ. Любви бы я твоей еще простилъ — но измѣна! . . . Ахъ! потерять въ одинъ день всю надежду къ щастію? быть обманутымъ дружбою и любовію! . . . . Какой смертной этому противустоять можетъ!

МОНТАРДЕНЪ.

Государь! ты все это найдешь въ своихъ подданныхъ; тебѣ каждой изъ нихъ другъ, — но всего больше удивляетъ меня Ернестъ – и этотъ грубіанъ имѣетъ противъ тебя замыслы. Онъ подъ видомъ грубаго своего чистосердечія возстановляетъ противъ тебя Матильду Армана и даже весь народъ распуская нелѣпыя о тебѣ слухи, и осмѣливается охуждать дѣла твои.

ГУСТАВЪ.

Что! и Ернестъ измѣнникъ? . . . . О это уже много! — Ернестъ котораго я почиталъ самою откровенностію. — Скажите же мнѣ кому вѣрить впередъ можно? — даже и вамъ самымъ я уже теперь не вѣрю. Мнѣ кажется все окружающее меня дышетъ ложью! — Ахъ! простите мнѣ — отчаянныя слова мои — лютѣйшій ядъ мщенія грызетъ душу мою: къ чему послужило мнѣ мое мило-

сердіе? — Не уже ли желаютъ зрѣть меня тираномъ — вторымъ Христіерномъ? Прочь жестокая мысль она убійственна! кто не рожденъ быть варваромъ — тотъ быть имъ не можетъ! какъ нещастливы чувствительныя Государи! О Боже! естьли ты намъ не далъ дара читать въ сердцахъ, то на чтожъ ты поселилъ въ насъ дружбу и чувствительность, сіе желаніе, подобно прочимъ смертнымъ, любить и быть любимымъ; приди послѣдній изъ подданныхъ моихъ и по завидуй мнѣ теперь! Я бы корону мою отдалъ за оправданіе Армана! . . . . Но въ сей часъ я долженъ дать собою примѣръ мужества и великодушія, они мнѣ потребны! Однакожъ будемъ лучше преступника, употребимъ и въ разсужденіи его справедливость, но съ строгостію. — Чѣмъ болѣе я Армана любилъ, тѣмъ болѣе онъ и достоинъ наказанія.

МОНТАРДЕНЪ.

Щадить тебѣ его не возможно Государь! справедливость у тебя требуетъ суда его.

ГУСТАВЪ (*по нѣкоторомъ молчаніи.*)

Но наружность обманчива; не поспѣшимъ его судомъ; разсмотримъ обстоятельно дѣла его. Осудить еще всегда время будетъ. — Мудренѣе оправдать не желая обвинить. Да не скажетъ ни кто что Густавъ ослѣпленный своею, стра-

стію пожертвовалъ ей разсудкомъ и обвинилъ неосторожно и несправедливо подданнаго. — Сія побѣда надъ собою, есть болѣе для меня всѣхъ побѣдъ мною одержанныхъ! Графъ Фицвальтеръ и Монтарденъ, сей часъ подите въ домъ къ Арману — возьмите ключь отъ комнаты его и осмотрите ее. Естьли же онъ будетъ упорствовать въ этомъ и отказывать вамъ въ исполненіи моей воли, то велите задержать его съ Ернестомъ подъ стражею и ожидайте моего приказанія: завтре какъ скоро я проснусь, то представте мнѣ сихъ виновныхъ (*въ сторону отходя.*) Увы! какъ тяжко иногда страдаютъ Государи за доброту свою!

(*уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ГРАФЪ ФИЦВАЛЬТЕРЪ, МОНТАРДЕНЪ и ЕРНЕСТЪ.

ГРАФЪ.

Ернестъ, гдѣ Арманъ?

ЕРНЕСТЪ.

Онъ щастливъ теперь удалившись отъ коварствъ и суетности — покоится сномъ невиннаго, которымъ враги его не наслаждаются никогда; зависть, злоба терзаютъ ихъ сердце.

МОНТАРДЕНЪ.

Къ чему вы это говорите Ернестъ — что это значитъ? Или обыкновенная ваша грубость, которую другъ вашъ называетъ чистосердечіемъ.

ЕРНЕСТЪ.

Я грубъ Монтарденъ, это правда; но съ сими окамѣнелыми и хладнокровными душами къ человѣчеству, сими себялюбивыми людьми, кои превыше всего поставляютъ собственныя свои наслажденія, кому благо подобнаго ему человѣка есть ни что, и кто дѣлаетъ добро изъ одного только тщеславія и своихъ выгодъ, кто уважая самаго себя, не отдаетъ должной справедливости достойному и кто возводитъ порокъ и унижаетъ добродѣтель, таковыя сердца достойны только презрѣнія; истинна предстанетъ предъ ними въ послѣднія ихъ часы, и тогда измѣнивъ въ данной имъ довѣренности что скажутъ они Всевышнему Судіи и совѣсти своей? Повѣрьте мнѣ Монтарденъ не дѣйствіе, но размышленія дѣлаютъ людей мудрыми и чувствительными. Но вы смущаетесь Графъ?

ГРАФЪ.

Ни чего любезный Ернестъ, — Я имѣю маленькую непріятность вамъ сказать — ничего, надѣйтесь на мое дружество и будьте увѣрены въ моей къ вамъ преданности.

ЕРНЕСТЪ.

Графъ говорите откровенно, я не люблю сихъ витіеватыхъ и замысловатыхъ словъ, — любезный Ернестъ надѣетесь на мое дружество — что это значитъ? Не толи что вамъ удалось восторжествовать надъ добродѣтелью Армана и простотою моею. — Но страшитесь, торжество сіе скоротечно и добродѣтель подобно золоту изъ рукъ дѣлателя выходитъ чище и яснѣе послѣ помрачающаго ея порока! Говорите Графъ! къ чему намъ должно готовится? Сердце мое на все готово, у ково совѣсть чиста, тотъ ничего не страшится.

МОНТАРДЕНЪ.

Вотъ каковъ Ернестъ, всегда у него готово подозрѣніе; Графъ и я мнѣ кажется доказывали вамъ всегда свое дружество.

ЕРНЕСТЪ.

Котораго я опасался всегда, и никогда не принималъ — не такъ ли Монтарденъ? Но естьли кто будетъ орудіемъ гоненія и гибели нещастному въ тайнѣ и станетъ ласкать его въ глаза, другъ ли онъ ему будетъ тогда, или врагъ отвѣчайте мнѣ?

ГРАФЪ.

Мы вамъ не враги — ошибаетесь въ томъ Ернестъ.

ЕРНЕСТЪ.

Къ чему пустые разговоры — приступимъ къ дѣлу Графъ.

ГРАФЪ.

Государь приказалъ васъ съ Арманомъ освидѣтельствовать въ его домѣ, и въ случаѣ вашего упорства задержать васъ обѣихъ подъ стражею.

ЕРНЕСТЪ.

Повинуюсь Высочайшей волѣ моего Монарха! но жалею Графъ объ васъ — не обвиняемой напрасно жалокъ, спокойствіе въ душѣ его; но обвинитель непорочнова человѣка котораго добродѣтель есть ему упрекъ. Онъ въ немъ видитъ судію дѣлъ своихъ и иногда разрушителя вредныхъ замысловъ его.

ГРАФЪ.

Вы забываетесь Ернестъ.

МОНТАРДЕНЪ.

Удивляюсь терпѣнію Графа.

ЕРНЕСТЪ.

Невинно страждущій разрѣшаетъ себя отъ узъ притворства — ему дозволено говорить правду. Онъ не унизитъ себя скрывая ее. — Теперь примите мое благодареніе за друга моего, вы можетъ быть доставите добродѣтели его способъ показаться во всемъ ея блескѣ, ибо поздно или рано восторжествуетъ она надъ порокомъ. Тогда Графъ и вы Монтарденъ доставите ему удовольствіе васъ простить. Я желаю что бы вы также примирились съ совестью своею. Примите въ послѣдній разъ мой совѣтъ: Чтите добродѣтель, отличайте достоинства, презирайте порокъ и гнушайтесь происковъ и подлости. Вотъ должность ваша, не свои удовольствія имѣйте въ виду, но общественную пользу. Вы близки престолу, благо всякаго гражданина должно быть священно для васъ. Будьте справедливы; исполнивъ все сіе вы званіе свое священнымъ учините; тогда и гонимый вами Ернестъ будетъ васъ чтить. Когда имѣющія до васъ нужду довольны вами будутъ. — То и я примирюсь съ вами — я, и Арманъ ожидаемъ васъ. (*уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЕ, кромѣ ЕРНЕСТА

ГРАФЪ.

Естьли я молчалъ, то негодованіе мое было притчиною сему. Еще хоть малую жалость я питалъ въ сердце моемъ къ симъ ничего не значущимъ любимцамъ — но теперь мщеніе мое сильно дѣйствуетъ на до мною. Таковые горделивцы не достойны пощады, и я радуюсь что чрезъ сіе оправдаю мою къ нимъ ненависть.

МОНТАРДЕНЪ.

Жестоко видѣть намъ себя униженными, изъ праха вышедшими людьми, гордость ихъ достойна наказанія: но вотъ часъ мщенія! Чегожъ мы мѣдлимъ Графъ?

ГРАФЪ.

Пойдемъ! — Ахъ естьли удасся мнѣ разрушить счастіе ихъ и наказать гордость, обратить ихъ въ ничтожество, — удовольствовать мое мщеніе и видѣть ихъ терзающихся раскаяніемъ за обиженное мое честолюбіе! — Ахъ! тогда еще я счастливъ буду. — Пойдемъ!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГУСТАВЪ *одинъ.*

Никогда сонъ не былъ мнѣ такъ отяготителенъ какъ въ сію несчатную и никогда не оканчевающуюся ночь! . . . Какъ спокоенъ нищій въ хижинѣ своей, окруженный семѣйствомъ, друзьями! Честолюбивые замыслы, коварство, лесть, не смущаютъ его! но величие, слава наша! замѣнятъ ли намъ потерю спокойствія? Всѣ мои славныя побѣды, всѣ успѣхи мои, все! въ сію минуту есть ни что для меня; народъ мой счастливъ, а я терзаюсь . . . . . Терзаюсь любовію! Вотъ до чего доводятъ насъ страсти. Я стыжусь самаго себя — и не узнаю болѣе.... Прочь пагубная страсть, не унижай сердце Густава! Долгъ мой повелѣваетъ защищать Матильду какъ ввѣренную мнѣ отцемъ ея! Не ужели Густавъ тираномъ быть захочетъ? Я гнушаюсь принужденія! желаю управлять любовію, но не страхомъ. Не знаю ревность ли или поруганное дружество, что болѣе дѣйствуетъ въ моемъ сердцѣ — оба сіи чувства затмѣваютъ разумъ мой! Приди святая истинна, приди и управляй судомъ моимъ! Сердце мое да будетъ твоимъ храмомъ — освяти его своимъ присудствіемъ — му-

жество потребно мнѣ въ сей часъ; но кто то идетъ, можетъ быть несчастной просить моей помощи. Ахъ! вотъ еще тяжесть нашего сана; при всей горести мы должны обладать собою.

ЯВЛЕНІЕ II.

МАТИЛЬДА и ГУСТАВЪ.

МАТИЛЬДА (*въ горестномъ отчаяніи.*)

Изъ уединенія своего несчастная Матильда къ ногамъ твомъ прибѣгаетъ. Государь! Правосудія прошу у тебя, противъ самаго Густава; скажи что здѣлалъ Арманъ? За что наказываешь ты друга своего какъ преступника?

ГУСТАВЪ.

Матильда! развѣ измѣна противъ Государя, противъ друга! не преступленіе? Арману ни что не было свято, онъ во зло употребилъ мою довѣренность.

МАТИЛЬДА.

Въ какомъ случаѣ?

ГУСТАВЪ.

Ты знаешь это больше меня Матильда.

МАТИЛЬДА.

Ошибаешся Государь, естьли думаешь, что Арманъ употребилъ во зло

твою довѣренность въ разсужденіи меня; я прежде его знала. Любовь наша началась еще въ счастливыя для меня дни. Родительница моя благословила насъ! Не онъ прервать хотелъ наши съ тобою узы; но ты не знавши взаимной склонности нашей, хотѣлъ разлучить сердца наши. Виновныли мы въ томъ, что другъ друга прежде тебя увидѣли? Повелѣваютъ ли сердцами? — Монаршая власть на это не простирается. Я у ногъ твоихъ — будь опять велькимъ Густавомъ, Матильда есть другъ славы твоей! Она не потерпитъ видѣть ее униженную! (*она бросается къ ногамъ Густава.*

ГУСТАВЪ (*поднимая ее.*)

Встань Матильда, встань что ты дѣлаешь.

МАТИЛЬДА.

Государь! естьли ты станешь наказывать Армана, наказывай и меня съ нимъ вмѣстѣ; судьба и любовь сковали наши сердца столь не разрывно, что счастіе и несчастіе, жизнь и смерть, казнь и муки раздѣлить съ нимъ долженствую.

ГУСТАВЪ.

Благодарю тебя Матильда ты оправдала въ семъ Армана — сіе извѣстіе огорчило любовь, но успокоило нѣсколько дружбу. Одна вина ему прощена — но

другія подозрѣнія какимъ образомъ онъ отъ нихъ оправдается?

МАТИЛЬДА.

Я все знаю Государь! и смѣю тебя увѣрить что разсмотря прилѣжно вѣрность къ себѣ Арманову — любовь его къ добродѣтели — всѣ обвиненія его изчезнутъ какъ дымъ! Сердце его мнѣ извѣстно — онъ не измѣнникъ, Государь! Я точно увѣрена, что наружность его обвиняетъ, но дѣла его оправдаютъ. Арманъ имѣетъ завистниковъ, милость твоя виною сему злу; она должна и защитить его.

ГУСТАВЪ.

Какое противорѣчіе Матильда, вливаешь ты въ сердце мое — какъ слава моя борется съ моею любовію! О Матильда! ты первая женщина въ свѣтѣ которую я любилъ и любить буду! . . . Я самъ себя болѣе не помню . . . . . Твой образъ меня очаровываетъ (*видя Матильду намѣриваюшуюся уйтить.*) Прошу тебя не убѣгай меня! Позволь мнѣ еще насладится удовольствіемъ тебя видѣть, позволь мнѣ повторить тебѣ что я тебя обожаю! . . . . Одно это осталось только моимъ утѣшеніемъ — но что я говорю несчастной! . . . . Ахъ! — Матильда! забудь слабости мои, и дай мнѣ видѣть въ тебѣ только друга, или священный обрезъ добродѣтели — призови ее ко мнѣ

на помощь — она одна только можетъ изцѣлить раны нанесенныя сердцу моему любовію.

МАТИЛЬДА.

Государь! Сія священная добродѣтель всегда тобою путеводительствовала, она не оставитъ тебя и въ сіи часы; кто болѣе достоинъ быть подъ кровомъ ея, какъ не Густавъ? Но Государь внемли моленію моему — прости друга твоего, освободи его изъ подъ стражи, онъ ни въ чемъ не виненъ, или я умру съ нимъ вмѣстѣ.

ГУСТАВЪ.

О какъ бы я желалъ видѣть его опять невиннымъ, сердце мое страдаетъ за ошибку мою въ немъ и любитъ еще неблагодарнаго.

МАТИЛЬДА.

Такъ я къ сердцу твоему прибѣгаю! . . . . Пощади Армана, пощади твое дружество! . . . . и будь источникомъ счастія Матильды.

ГУСТАВЪ.

Сей часъ узнаю я рѣшеніе его судьбы. Ты знаешь меня Матильда, и можешь быть увѣрена, что не преступлю я справедливости, не пощажу порока ниже въ другѣ моемъ — и оправдаю добродѣтель даже въ соперникѣ своемъ. Народъ мой правосудія отъ меня ожидаетъ; Истинна

есть мой путеводитель; она мною въ семъ случаѣ управлять будетъ! Не мщеніе за поруганное дружество, не любовь и не оскорбленное честолюбіе учинятъ приговоръ его, будь, въ томъ увѣрена Матильда, но истинна одна только истинна, управляетъ мною и требуетъ справедливаго отъ меня сужденія!

МАТИЛЬДА.

О Государь! о благодѣтель мой, тебѣ поручаю судьбу Армана — судьбу Матильды.

ГУСТАВЪ.

Будь спокойна Матильда! но я вижу приближающихся Фицвальтера и Монтардена — подите Графиня въ сей кабинетъ — вы узнаете мое рѣшеніе . . . . . о дай Богъ! что бы вы имъ были довольны; я столькожъ беру въ томъ участія какъ и вы. (*онъ отворяетъ дверь кабинета и Матильда туда уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ГУСТАВЪ, ГРАФЪ ФИЦВАЛЬТЕРЪ и МОНТАРДЕНЪ.

ГУСТАВЪ.

Что скажете мнѣ Графъ? что Арманъ и Ернестъ?

ГРАФЪ.

Виновны оба Государь; простить имъ не возможно я бы желалъ однакожъ что бы сіе дѣло не такъ было гласно: но всѣ почти извѣстны что тутъ кроется какая то измѣна противъ тебя Государь! и противъ народа! Теперь избѣжать они не могутъ наказанія. Жалѣю о нихъ — но справедливость требуетъ суда Арману. — Будьте милостивы къ виновному Государь! и выслушайте терпѣливо. Мы съ Монтарденомъ вчерашній вечеръ по приказанію твоему взявши съ собой двухъ Офицеровъ и нѣсколько солдатъ пошли въ домъ къ Арману. — Нашли его весьма смущеннымъ и подъ прикрытымъ хладнокровіемъ терзаема виновною совѣстію. Когда объявилъ я ему волю вашу; онъ затрепеталъ и съ наполненными слезъ глазами, но съ притворною твердостію отказалъ дать мнѣ ключь тайной комнаты, примолвивъ при томъ, что туда кромѣ его ни кто не входитъ и что тамъ нѣтъ ни чего привлекательнаго или любопытнаго. Когда же я настоялъ твердо въ требованіи ключа, то онъ отвѣчалъ мнѣ что прежде умретъ нежели кого, кромѣ тебя Государь, впуститъ въ сію комнату. Можетъ быть онъ надѣется на великодушіе твое, или думаетъ тебя умилостивить; но не уповаю чтобы великій Густавъ захотѣлъ подвергнуть опасности

свое величіе и разрушить надежду подданныхъ. Противъ одного злодѣя тысяча добрыхъ пострадать заставишь.

ГУСТАВЪ.

Довольно.

ГРТФЪ.

Я уже по приказанію твоему и стражу приставилъ къ Арману и Ернесту и задержать приказалъ всѣхъ людей кои найдутся въ домѣ, а особливо солдатъ — и ежели Государь тебѣ угодно то и слѣдствіе надъ ними тотчасъ начнемъ.

ГУСТАВЪ.

Я самъ все изслѣдую.

МОНТАРДЕНЪ.

Государь мы жалѣемъ Армана, жалѣемъ и Ернеста; но спокойствіе твоего престола намъ драгоцѣнно! естьли таковые виновные могутъ быть прощены, то и самые злодѣи надѣятся прощенія будутъ Милость Государь въ такомъ случаѣ влечетъ много за собою золъ!

ГУСТАВЪ.

И такъ слѣдуйте за мной къ Арману — Мы тутъ узнаемъ чему онъ подлежитъ, наказанію ли или милости? Не опасайтеся ни излишней строгости, ни излишней милости отъ меня; и та и другія равно опасны: Арманъ не можетъ надѣется на мое дружество — естьли онъ ему измѣнилъ, то не достоинъ его и во

мнѣ найдетъ онъ строгаго себѣ судію! Естьлижъ онъ невиненъ — то да восторжествуютъ его добродѣтель! и сердце мое исполнится радостію; мой долгъ есть выслушать каждаго подданнаго, справедливости моей ожидать долженъ, какъ первой такъ и послѣдній изъ нихъ! не всѣ ли они для меня равны? Не всякаго ли благополучіе для меня свято? И естьли Монархи пристрастны будутъ то гдѣжъ обитать будетъ справедливость? Гдѣ укроется нещастный какъ не подъ сѣнію престола, онъ есть его убѣжище и отрада! Пойдемъ! но возмемъ е..е съ собою одного свидѣтеля. (*Онъ отворяетъ дверь кабинета, Матильда показывается, Графъ и Монтарденъ содрогаются.*)

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театрѣ представляетѣ домѣ Армана, онѣ сидитѣ вѣ креслахѣ у стола и читаетѣ книгу.

АРМАНЪ (*прочитавѣ нѣсколько.*)

О утѣшитель невинностраждущихъ, почтѣннѣйшій Сократъ! какой пріятный нектаръ ты влилъ въ горестное мое сердце! Какъ оживилъ его! страданія мои хотя невинны но жестоки. Ты успокоилъ мои чувства: другъ человѣчества благодарю тебя! Приди спокойстіе невинности и услади мой духъ! . . . . Но кто возвратитъ мнѣ дружество моего Государя?

ЯВЛЕНІЕ II.

АРМАНЪ и КАРАУЛЬНОЙ ОФИЦЕРЪ.

ОФИЦЕРЪ.

Великодушный Арманъ! прими благодарность мою и семѣйства моего, благодѣтель нашъ!

АРМАНЪ (*вставая со стула.*)

Какое благодѣяніе могъ тебѣ я здѣлать другъ мой! я со всѣмъ тебя не

знаю — за что благодаришь ты меня?

ОФИЦЕРЪ.

Я самый тотъ нещастный! котораго отчаяніе заставило дерзновенно говорить о Государѣ нашемъ — сочинитель епиграммы подданной ему сего утра — достойный примѣрнаго наказанія, и облагодѣтельствованный щедрымъ Монархомъ; твоему предстательству, твоей добродѣтели великой мужъ, я всѣмъ обязанъ . . . . .

АРМАНЪ.

Я весьма обрадованъ, что могъ пособить твоему семейству — однакожъ совѣтую тебѣ впередъ быть осторожну — чувствовать милости Монарха — и быть ему благодарнымъ! . . . . Но я вижу въ тебѣ великое смущеніе что это значитъ? . . . .

ОФИЦЕРЪ (*съ чувствительностію.*)

Добродѣтельный Арманъ! Мужъ достойно почитаемый всѣмъ отечествомъ: съ горестію долженъ объявить вамъ, что вы, господинъ Ернестъ и весь сей домъ находитесь подъ стражею.

АРМАНЪ (*холоднокровно и благородно.*)

По чьему Указу?

ОФИЦЕРЪ.

По Указу Короля, какъ сказано въ въ данномъ мнѣ ордерѣ.

АРМАНЪ.

Исполняйте вашу должность — вотъ вамъ моя шпага.

ОФИЦЕРЪ.

Пріемлю ее Желаю и чувствую, что добродѣтель ваша притупитъ тысячу мечей клеветы и злобы. (*уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

(*Арманъ садится спокойно въ кресла беретъ книгу и смотритъ въ нее.*) Я подъ стражею! (*читавъ еще нѣсколько.*) Я подъ стражею! (*вставши и поднявъ руки.*) Да будетъ воля твоя Богъ мой! (*садится и продолжаетъ читать*) о Густавъ! о мой благодѣтель! ты узнаешь Армана! сіе обвиненіе меня не страшитъ, терпѣніе есть удѣлъ жизни . . . . Но общая любовь наша къ Матильдѣ, вотъ пущій мой ударъ — вотъ что терзаетъ мое сердце и томитъ духъ мой! вотъ источникъ душевнаго моего мученія! Густавъ! Матильда ! . . . . какъ дороги вы сердцу моему! ахъ справедливо совѣтовалъ мнѣ Ернестъ; но я прощаю врагамъ моимъ пусть они будутъ счастливы мнѣ остается одна только смерть! . . . Смерть для добродѣтели не страшна — Порокъ только одинъ есть истинное нещастіе, и душа моя ему не причастна!

Зиждитель вселенной! защитникъ невинности, покаряюсь святой волѣ твоей и предаю тебѣ судьбу мою! добрый почтенный Ернестъ и ты страдаешь за меня, дружба твоя ко мнѣ притчиною твоего несчастія. Чѣмъ я тебѣ заслужу? . . . . Но ты оправданъ будешь! мы оба невинны, намъ страшится нечего . . . .

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГУСТАВЪ, МАТИЛЬДА, ГРАФЪ ФИЦВАЛЬТЕРЪ, МОНТАРДЕНЪ, ЮЛІЯ, нѣсколько Придворныхъ и Караульной Офицеръ.

АРМАНЪ.

Государь! . . . . . (*хочетъ пасть на колѣни.*)

ГУСТАВЪ.

Остановись Арманъ и оправдайся прежде! Ты не предъ другомъ теперь говоришь; но предъ судіею. Не упрекаю я тебя низкой породой, она не въ власти нашей состоитъ; но развѣ она можетъ оправдать тебя въ неблагодарности къ благодѣтелю твоему? Чего тебѣ еще недоставало; ты пользовался всѣмъ что зависѣло отъ Густава! Честолюбивый лицемѣръ! или мало еще тебѣ было дружества моего? Ты жаждалъ можетъ быть крови моей? И вотъ награда мнѣ за

дружбу мою къ тебѣ; да постигнетъ тебя вѣчное раскаяніе — гдѣ найдешь ты сердце подобное Густавову? Оно тебя столькожъ теперь презираетъ и не навидитъ сколько прежде любило и чтило! Я ни о чемъ въ разсужденіи тебя не помышлялъ, какъ о твоемъ счастіи, и ты пронзаешь сердце мое какъ коварный предатель! (*подавая врученное ему Графомъ Фицвальтеромъ письмо въ 3 дѣйствіи*) что ты противъ сего возразить можешь.

АРМАНЪ (*взглянувъ на письмо съ спокойною твердостію.*)

Подозрѣнія твои Государь жестоки для меня, упрекамъ твоимъ я противустоять не могу Но оправдать себя имѣю способъ. Сокровище мое, друзей моихъ, мнимыя замыслы мои, и намѣренія все ты узнаешь и надѣюсь невинность мою увидишь, карай меня за то, что я не умѣлъ болѣе поселить довѣренности твоей къ себѣ; что не умѣлъ сохранить твоего спокойствія и допустилъ клеветѣ достигнуть до тебя Ахъ! я жестоко самъ себя наказую за сіе! . . . . Слабый мой разумъ, не опытность и природное простосердечіе тому причиною. — Не обвиняй сердца моего, которое не причастно неблагодарности и ложной дружбѣ; а паче вѣрности къ отечеству и

Государю моему! — Ахъ! нѣтъ Государь! Арманъ не измѣнникъ, онъ не унизитъ дружество Монарха столь гнуснымъ порокомъ . . . . . Развѣ онъ мало еще злополученъ лишась твоей милости, что бы упрекать еще его въ томъ, въ чемъ онъ и не мыслилъ.

ГУСТАВЪ.

Графъ Фицвальтеръ! уличай его въ измѣнѣ и злодѣйствахъ о которыхъ ты мнѣ доносилъ. Ты говорилъ мнѣ что Арманъ гордясь взаимною любовію Матильды и другъ его Ернестъ приходили сего дня къ ней умолять ее, что бы она противилась моему желанію, и что бы я чрезъ то болѣе и болѣе сокрушалъ мое сердце. Правда ли Матильда?

МАТИЛЬДА.

Ложъ и клевета выдуманная адомъ, или человѣкомъ такимъ какъ Графъ: на противъ того они оба со слезами увѣщевали меня что бы я побѣдивъ любовь къ Арману, съ тобою Государь во бракъ вступила.

ГУСТАВЪ.

Слышишь Графъ? (*про себя.*) начинаю провидѣть (*громко.*) Ты мнѣ сказывалъ, что Арманъ и Ернестъ подкупаютъ для чего то народъ, называютъ меня тираномъ, лицемѣромъ и приписываютъ мнѣ многія пороки, съ чего ты взялъ, естьли у тебя на то вѣрное доказательство?

ГРАФЪ (*въ великомъ замѣшательствѣ.*

Я слышалъ . . . . о семъ . . . . . отъ людей — вотъ и господину Монтардену тоже сказывали многіе.

ГУСТАВЪ.

Назовите мнѣ хоть одного человѣка.

ГРАФЪ.

Я не могу . . . . теперь . . . . вспомнить.

ГУСТАВЪ.

А ты Монтарденъ.

МОНТАРДЕНЪ.

Признаюсь Государь чистосердечно, что обо всѣхъ сихъ неправдахъ я слышалъ отъ Графа.

ГУСТАВЪ.

(*Про себя*) о недостойныя изверги! Какъ нещастливъ Государь, когда онъ клеветъ такихъ измѣнниковъ иногда вѣритъ. (*громко.*) Ты мнѣ доносилъ Графъ, что многіе солдаты каждый день приходятъ къ Арману а нѣкоторые и живутъ у него.

АРМАНЪ.

Правда Государь! Сіи солдаты отставные; Военное Правительство не успѣло еще сдѣлать съ ними рѣшенія: они живутъ еще безъ пропитанія, и я по мѣрѣ средствъ моихъ даю имъ ежемѣсячное содержаніе: все нижнѣе жилье

сего дома занимается ранеными солдатами и ихъ семействами. Они сами подтвердятъ сію истинну.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже, и 10 или 12 человѣкъ солдатъ пришедъ поспѣшно падаютъ предъ Густавомъ на колѣни.

1й СТАРОЙ СОЛДАТЪ.

Всемилостивѣйшій Государь! Мы узнали, что милосердый благодѣтель нашъ Арманъ лишился милости Твоего Величества, какія то бездѣльники его оклеветяли: онъ конечно предъ тобой не виненъ. Благотворитель человѣчества, каковъ Арманъ, не можетъ быть измѣнникомъ доброму Королю каковъ ты; мы ручаемся въ томъ нашею жизнію: помилуй Государь Армана, и продолжи намъ чрезъ то свою милость а чрезъ него наше блаженство.

2й СОЛДАТЪ.

Ежели бы гнѣвъ твой Государь! къ милостивому Арману не прекратился, чего мы не думаемъ, то мы всѣ триста человѣкъ, которыхъ Арманъ питаетъ — всѣ съ охотою за него отдаемъ тебѣ головы наши, головы женъ и дѣтей нашихъ: казни насъ всѣхъ: оставь только

Арману спокойную жизнь, угодную Богу! Тебѣ и всѣму человѣчеству.

ГУСТАВЪ (*про себя.*)

Слезы не волею текутъ — великодушіе Арманово и прозьба сихъ искреннихъ людей пронзаютъ всю душу мою. (*громко*) что вы теперь въ оправданіе свое скажете? Съ сими то людьми Арманъ и Ернестъ бунтовать противъ меня хотѣли. (*про себя*) Безсовѣстные! Вотъ каковы вельможи бываютъ (*оборотясь къ солдатамъ*) встаньте друзья мои! Прозьба ваша справедлива; она будетъ исполнена.

СОЛДАТЫ (*отходя въ радости.*)

Да здравствуетъ! да здравствуетъ Государь нашъ милосердый.

ГУСТАВЪ.

Покажи мнѣ теперь комнату свою Арманъ (*Арманъ отпираетъ комнату, въ ней видны, соха, грабли, коса, крестьянское одѣяніе и портретъ Густавовъ украшенный гирляндами. Матильда радуется, Густавъ смягчается, Арманъ показываетъ спокойствіе и устыженные вельможи смущаются.*)

(*Густавъ входитъ въ комнату осматриваетъ ее со всѣхъ сторонъ а между тѣмъ*)

ГРАФЪ (*про себя.*

Я пристыженъ, уличенъ, посрамленъ: что со мною будетъ?

МОНТАРДЕНЪ (*про себя.*)

По что я знался съ такимъ безчестнымъ человѣкомъ.

ГУСТАВЪ (*вышедъ изъ кабинета.*)

Гдѣ же Арманъ, потаенная дверь, гдѣ лѣстница по которой многія люди въ сей кабинетъ приходили?

АРМАНЪ.

Государь, ихъ нѣтъ и никогда не бывало, портретъ твой и крестьянское одѣяніе мое называлъ я моимъ сокровищемъ ибо надѣялся что ихъ ни кто у меня не отниметъ. Старыхъ солдатъ имяновалъ я моими друзьями — а намѣреніе мое состояло въ томъ, что бы лишась твоей къ себѣ милости оставить на всегда дворъ и скрытся въ мое уединеніе гдѣ могъ бы добродѣтелью своею возвыситься надъ моими непріятелями, и быть еще полезенъ тебѣ и отечеству, такова была гордость моего сердца. Вотъ всѣ замыслы мои.

ГУСТАВЪ (*Графу.*)

Такъ въ сей-то тѣсной хижинѣ, Графъ, гдѣ едва для одного человѣка есть мѣсто, въ семъ то маленькомъ уголкѣ происходили многонародныя ночныя сходьбища и крамольныя противъ меня совѣты? Вы молчите беззаконные клеветники! по вашимъ бреднямъ заключаю, что я самъ былъ предсѣдателемъ въ сихъ скопахъ и

заговорахъ; но не тѣломъ а моею тѣнью, портретомъ; — представте мнѣ хотя одного свидѣтеля, что въ сей малой комнатѣ кто нибудь другой былъ кромѣ Армана.

ГРАФЪ.

Теперь — ни кого — не могу — представить.

ГУСТАВЪ.

А послѣ кого нибудь подкупить? . . . А я въ оправданіе твое представлю тебѣ свидѣтелей — развращенное твое сердце пагубою ближнихъ дышущее, мерзкую твою душу, единымъ только ядомъ зависти питающуюся, заглушенную твою совѣсть на единое только зло дерзающую, и помраченной твой разумъ, которой не можетъ видѣть ни свѣта добродѣтели, ни красоты благотворенія: вотъ всегдашнія твои свидѣтели, которыя угрызать тебя должны, а другихъ имѣть не можешь.

ГРАФЪ.

Мы какъ люди преданныя престолу твоему . . . .

ГУСТАВЪ.

Вы искали его обезчестить . . . . Ни слова больше, я выслушаю сперьва Армана.

АРМАНЪ (*указывая на комнату.*)

Здѣсь Государь, по часту провождалъ я дни свои; всякой разъ когда заражало

честолюбіе сердце мое, я удалялся отъ твоего двора и размышленія мои приводили меня сюды. Здѣсь разсудокъ мой принималъ верьхъ и добродѣтель торжествовала надо мною! Воспоминаніе породы сильно говорило сердцу моему! все, что я ни видѣлъ здѣсь напоминало мнѣ объ оной и милостяхъ твоихъ! О сколько разъ образъ твой облитъ былъ благодарными моими слезами, не за степень на которую ты меня возвысилъ — но за образованіе сердца и ума моего. Ты далъ мнѣ новую жизнь; ты далъ способъ разцвѣсть посѣяннымъ семенамъ природою въ сердцѣ и умѣ моемъ! Твое дружество было моимъ блаженствомъ! когда казалось мнѣ, не умѣлъ я угодить моему благотворителю, то сіе бѣдное одѣяніе упрекало и давало мнѣ новыя уроки мудрости. Я говаривалъ образу твоему смѣлѣя нежели тебѣ самому! Казалось мнѣ онъ отвѣчалъ, и спокойствіе въ душѣ моей возраждалось. Когда движеніе ненависти терзало сердце мое — опять сіе убѣжище тогда мнѣ было нужно; тутъ хладнокровіе заступало мѣсто воюющихъ чувствъ моихъ. Удалившись отъ блеску въ сію бѣдную хижину я почерпалъ тутъ мудрѣйшія наставлянія! Слабость человѣческая тутъ молчала, и разумъ говорилъ сердцу моему! Здѣсь мнѣ люди всѣ казались братіями и по однимъ достоинствамъ отличалъ я ихъ — когда говаривалъ я тебѣ

правду — что духъ твой осѣняющій хижину сію былъ моимъ наставникомъ и сама природа устами моими управляла.

МАТИЛЬДА.

Что скажешь Государь! обмануло ли меня мое сердце!

ГУСТАВЪ.

Приди въ объятія мои Арманъ! Я опять нахожу въ тебѣ моего друга! . . . Но что за шумъ я слышу . . . . . Ернестъ! . . . . .

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЕ и ЕРНЕСТЪ, который врывается съ шумомъ въ комнату.

ЕРНЕСТЪ.

Нѣтъ пустите меня, я хочу или умереть у ногъ моего Государя, или оправдать предъ нимъ себя и друга моего!

ГУСТАВЪ.

Ты уже оправданъ — теперь Арманъ со всѣмъ не виненъ! и Ернестъ достоинъ моего почтенія: благодарю! благодарю Всевышняго! управляющаго судьбою смертныхъ! сей день есть счастливѣйшій для меня, я могу вознаградить гонимую добродѣтель и карать порокъ — (*говоритъ на ухо придворному и тотъ удаляется*) но пусть сперьва онъ узритъ

торжество невинности. — Графиня я прошу только вашей дружбы будьте счастливы съ Арманомъ и не забывайте Густава. Сей день, есть день величайшей побѣды моей!

(*онъ кладетъ ихъ руки вмѣстѣ Арманъ и Матильда упадаютъ на кокени.*)

(*Придворный возвращается съ покрытымъ блюдомъ, которое подноситъ къ Густаву.*)

ГУСТАВЪ (*снявъ орденъ надѣваетъ оный на Армана.*)

Я украшаю симъ добродѣтель Графа Армана, сей знакъ отличія вы будете носить въ воспоминаніе дружбы и честности! (*беретъ другой орденъ съ блюда и надѣваетъ его на Ернеста*) а сей есть награда справедливости и достоинства! Графиня вы отказались отъ даровъ моихъ. то вмѣсто оныхъ примите отъ меня въ подарокъ лучшую изъ моихъ земель; я обязанъ въ лицѣ вашемъ наградить заслуги отца вашего и ваши достоинства; вы заставили меня поступать какъ должно человѣку и Государю! Графъ Фицвальтеръ и вы Монтарденъ, послѣ всего случившагося, мы не можемъ быть вмѣстѣ, взглядъ подданныхъ моихъ будетъ вашимъ упрекомъ. а ваша совѣсть вашею укоризною. Разсмотрите сердца

ваши и скажите исполняли вы вашу должность? Или вы не знали — что сердце вельможи должно быть святилище правды! ГласЪ его, гласЪ милости. Вопль нещастныхЪ чрезЪ него достигать долженЪ ко престолу Государя, коему онЪ, помогая сносить бремя правленія, доставляетЪ спокойствіе и потребное мужество окончать со славою трудный подвигЪ свой! званіе вельможи есть хранилище славы своего Государя! но вы исполняли ли все сіе? УдалитесЪ навсегда не достойныя отЪ взора моего — бѣгите скрыть стыдЪ свой вЪ удаленныя горы, гдѣ опредѣляю вамЪ жить; берегитесь заразить воздухЪ тамЪ нечестивымЪ вашимЪ дыханіемЪ; и терзайтесЪ щастіемЪ достойнѣйшихЪ васЪ! Мѣста же ваши занимать здѣсь будутЪ АрманЪ и ЕрнестЪ. (*ГрафЪ Фицвальтерь и МонтарденЪ удаляются.*)

ЯВЛЕНІЕ VII. и послѣднѣе.

Тѣже о кромѣ Фицвальтера и Монтардена и еще одинЪ ОфицерЪ изЪ свиты Государя.

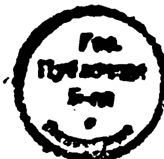
ОФИЦЕРЪ.

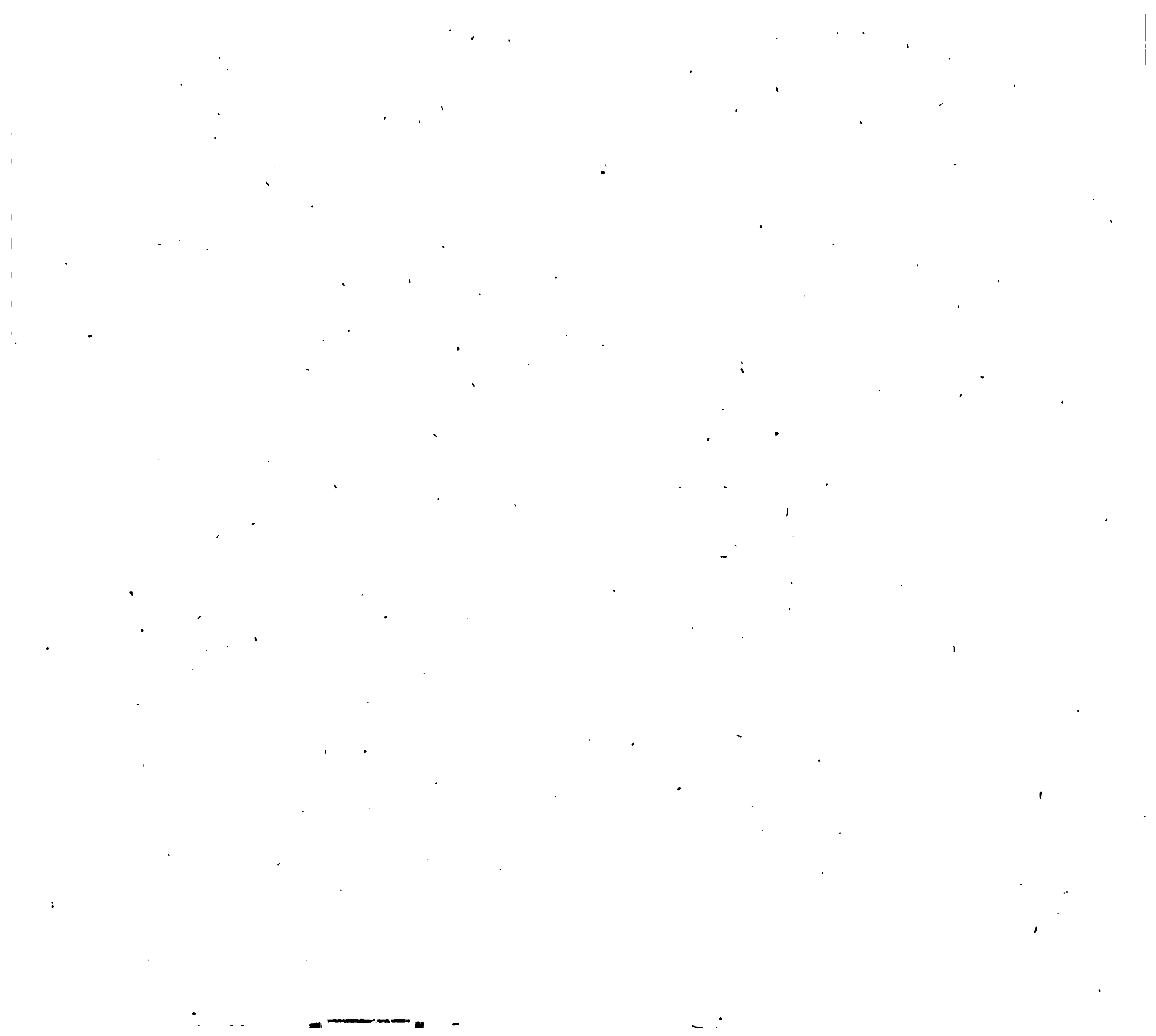
Государь! обрадованный народЪ оправданіемЪ Армана проситЪ сЪ восклицаніемЪ дозволенія — торжествовать бракЪ его — кЪ сему празднеству все уже готово; ожидаютЪ только присудствія твоего.

ГУСТАВЪ.

Не во всѣ еще удовлетворилЪ я справедливость, надЪ самимЪ собою я примѣрЪ долженЪ показать. Государь долженЪ служить урокомЪ подданнымЪ, онЪ долженЪ дать отчетЪ дѣлЪ своихЪ Богу и вселенной! дабы впредь ни какая клевета не помрачала суда моего — то за долгЪ себѣ поставляю выслушивать каждаго подданнаго моего самЪ всякую недѣлю один день на сіе опредѣленной. Милость моя будетЪ исполнена вЪ скорости, а наказаніе по подписанію моему чрезЪ мѣсяцЪ, дабы виновный имѣлЪ время кЪ оправданію — лучше милостивому быть кЪ виновному нежели наказать невиннаго. — Теперь восторжествуемЪ мы сей день, и дадимЪ чувствовать подданнымЪ что не желѣзнымЪ а златымЪ скипетромЪ мы ими управляемЪ! Да каждый день правленія моего ознаменованЪ имЪ будетЪ славою, радостію и удовольствіемЪ!

КОНЕЦЪ.

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C008165573

